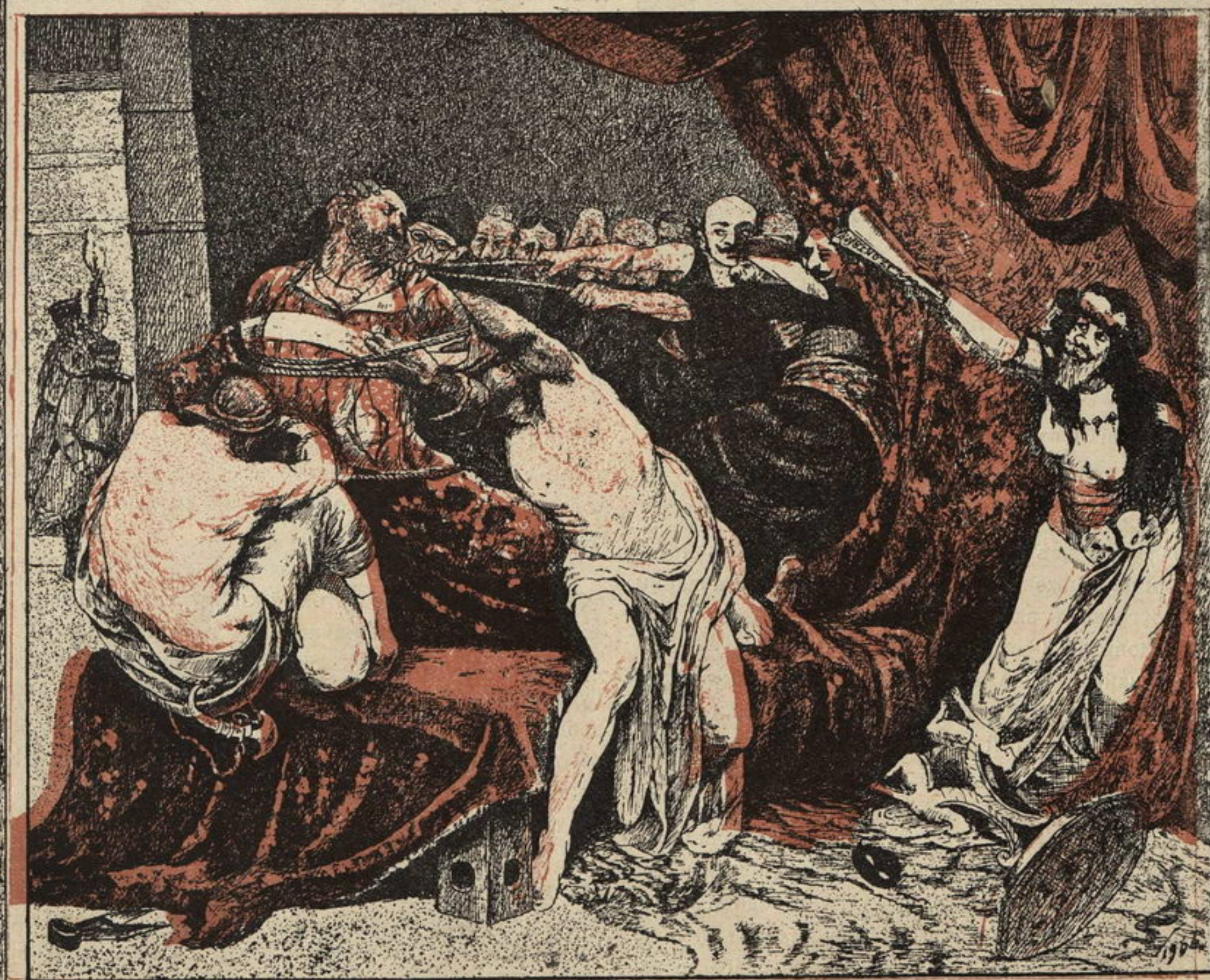

© СЯМСОНЪ И ДАЛИЛА "НАШИХЪ ДНЕЙ"
или
"НАРОДЪ И РЕАКЦІЯ"
по картиѣ Соломона Соломоновича

Безработные.

(Изъ современныхъ пѣсень не-Беранже.)

За всѣми заставами бродить нужда,—
Хотя веселится столица, —
Повсюду въ кварталахъ борьбы и труда!
Видны изможденные лица..
Голодныхъ, холодныхъ, теперь тамъ не счесть,—
Рабочій сидитъ безъ работы;
Забылъ буржуа нашъ и совѣсть, и честь,—
Всѣхъ гонитъ онъ прочь безъ заботы..
„Вонъ всѣхъ,“ — говоритъ онъ, — „всѣхъ, кто не
вступилъ

Въ союзъ правового порядка!
Вонъ всѣхъ—за машинами кто уложилъ
Всѣ силы свои безъ остатка!..
Что день—то угрюмѣй рабочій кварталъ;
Всѣ голодны, полураздѣты;
Стоитъ-стономъ стоитъ тамъ... Дѣтей я встрѣчалъ—
Не дѣти они, а скелеты!..

Здѣсь—медлить не годится!..
Но чѣмъ имъ, какъ помочь?!
Къ буржуямъ обратиться?—
И васъ прогонять прочь...
Того, что ожирѣло,
Мольбами не пронять!
Въ сердца начнемте смѣло
Стучать, стучать!..

Ужели намъ добрыхъ сердецъ не найти?!
Обломовыхъ мало-ль богатыхъ,
Что—лѣжа на деньгахъ,—Господь ихъ прости!—
Мечтаютъ сидѣть въ депутатахъ!..
Эй, вы, господа!.. Время—сидней не ждѣтъ:
День выборовъ скоро настанетъ;
Народъ-избиратель, рабочій народъ
Мирволить бездѣлю не станетъ..
Не стыдно-ль лежать вамъ?! Внимайте уму:
Онъ—скажетъ, что будете правы,
Когда поспѣшите на помощь къ нему—
Къ народу труда—за заставы!
Прислушайтесь къ стомамъ, къ мольбамъ бѣдня-
ковъ,

Въ ихъ норы-жилища взойдите;
Откройте сердца имъ; своихъ кошельковъ
При видѣ нужды—не шадите!..

Пробудитесь вы сами, —
Воскресшею душой
Сольетесь съ ихъ рядами
Въ борьбѣ за край родной...
Прочь скуку! Прочь заботу!..
Всѣ—скоро оживемъ,
Всѣ—по-сердцу работу
Найдемъ, найдемъ!..

Жиздакхыя ховеллы Ёккачио.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброго.

7. Последнее чудо въ монастырѣ джованнистокъ по благодати, святости и милости padre Джованни.

...Королева и всѣ придворные съ живѣйшимъ интересомъ ждали продолженія повѣствованія о padre Джованни и о его богоугодномъ заведеніи — монастырѣ.

— Продолжайте!—отдала она приказъ.

— Слушайте, ваше величество, дамы и ковалеры. Въ Пизѣ, въ той самой Пизѣ, гдѣ имѣлъ постоянное пребываніе достопочтенный padre Джованни, гдѣ обитали и santa Maria Порфурія, и святые Бонифацій, Керулярій и прочіе угодники Божіи, вдругъ вспыхнулъ неслыханный мятежъ. Взбунтовались матросы и часть пизанскихъ стрѣлковъ. Въ своихъ казармахъ, они поклялись уничтожить всю Пизу, если имъ не прибавятъ по одной сотой килло *) баранины на человѣка въ день и если имъ не будутъ давать бесплатно для бани марсельскаго мыла.

*) Килло — равняется 1½ фунтамъ.

Всю провинцію объявъ ужасъ. Сановники совѣмъ растерялись, потеряли голову, послѣдніе члены тайнаго трибунала Совѣта Десяти разбѣжались, слѣдуя мудрому примѣру Великаго Инквизитора — Victorio Ferens'a (Побѣдо-носца), давно уже удравшаго. Надъ Пизой вспыхнула кровавая заря.

Padre Джованни, этотъ незыблемый оплотъ Пизы, перепугался до того, что, говоря, въ ужасѣ схватился за край юбки Sant'ы Mari'и Порфуріи, лепеча въ смертельномъ страхѣ:

— О, Santissima! что-же намъ дѣлать?..

— А ну тебя въ преисподнюю!—воскликнула богородица—Порфурія.— „Что дѣлать?..“ — конечно,—удирать какъ можно скорѣй изъ Пизы, пока намъ всѣмъ не наломали бока...

И Santa Maria—Порфурія, захвативъ съ собой св. Керулярія и св. Бонифація, устремилась въ бѣгство.

Положеніе padre Джованни было отчаянное. Какъ ему быть? по условію, заключенному имъ съ правителями страны, онъ обязанъ былъ ежегодно творить извѣстное количество чудесъ. Но какое, въ данномъ случаѣ, чудо могъ онъ содѣять?

Вдругъ, его осѣнила благодатная мысль. Padre Джованни, совѣмъ уже готовый къ бѣгству изъ Пизы, явился къ пизанскому военоначальнику и сказалъ ему:

— Давайте мнѣ скорѣе двѣ дюжины схваченныхъ бунтовщиковъ матросовъ, подъ конвоемъ какого-нибудь доблестно-благонамѣреннаго карабинера. Я отвезу ихъ въ мой святой монастырь, а тамъ мои святые, цѣломудренныя овечки быстро наставятъ ихъ на свой путь истины.

— Великолѣпно, padre Джованни!—воскликнулъ обрадованный военоначальникъ.— Но отчего вы берете такъ мало, всего двѣ дюжины! Неудобно-ли цѣлую казарму?

— Моихъ овечекъ не хватитъ на такое количество наголодавшихся матросовъ!—со вздохомъ сожалѣнія про-
ронилъ padre Джованни.

Не бойтесь, что золь вашъ униженный братъ, —
Нужда озабляетъ не въ мѣру;
Повѣрьте, что даже въ паденьи хранятъ
Иные и совѣсть, и вѣру!..
Свѣтъ нуженъ голодному, — хлѣба ему
Вы, раньше, работы вы дайте,
А тамъ — чѣмъ и какъ захотите — во тьму
Свѣтъ вашихъ идей проливайте!..
Къ вамъ, свѣта поборники, рѣчь я веду:
Будите всѣхъ спящихъ, стучите
Въ сердца всѣ и въ двери! На злую нужду,
На бой съ ней, всѣхъ добрыхъ ведите!
Спѣшите, покуда не поздно, пока
Не вынудилъ тягостный голодъ
Схватиться за ножъ, не толкнулъ бѣдняка
Поднять свой карающий молотъ!..

Не время изощраться
Теперь въ однѣхъ рѣчахъ,
Другъ съ другомъ препираться!
Здѣсь дѣло — не въ словахъ!..
Забудемте всѣ споры
Хотя на пару дней;
Заглянемте-ка въ норы
Людей, людей!..

Гдѣ-жъ вы, устроители пышныхъ баловъ,
Спектаклей, концертовъ обычныхъ,
Аллегри — на благо калѣкъ бѣдняковъ,
Излюбленныхъ лекцій публичныхъ?!
Откликнитесь! Гдѣ вы? Въ какомъ царствѣ грѣзъ?!
Надняхъ еще жертвъ добрыхъ
Не мало въ театрѣ Маринскій отвѣзъ
Бомондъ весь нашъ — въ пользу животныхъ!
Тамъ — сценъ образцовыхъ и цвѣтъ, и краса
Во что кто гораздъ — проявляли
Могучихъ талантовъ своихъ чудеса:
Играли и пѣли, плясали..
Я радъ за лошадокъ, собачекъ; но чѣмъ
Голодный рабочій ихъ хуже?
На помощь къ нему бы, артисты, вамъ воѣмъ
Теперь не придти почему-же?!

Бунтарь онъ — вамъ сдается?..
Тутъ станешь бунтовать,
Коль съ голоду придется
Вновь умирать!
Минуютъ дни невзгоды —
На умъ бунтъ не поидетъ,
И какъ солнышко Свободы
Взойдетъ, взойдетъ!..

Евстигней Нагайкинъ.

И вотъ процессія бунтовщиковъ карабинера и padre Джованни устремилась къ граду св. Петра. Дорогой, взбунтовавшиеся матросы вели себя свирѣпо — ужасно, то и дѣло крича:

— Мы покажемъ вамъ!

— Дѣти! — усовѣщевалъ ихъ padre Джованни. — Зачѣмъ вы будете показывать намъ? Повремените немного, и покажите, лучше, моимъ святымъ овечкамъ, которыя должны васъ успокоить.

Когда процессія прибыла въ монастырь джованнистокъ, padre Джованни, оставивъ въ корридорѣ бунтовщиковъ и карабинера, поспѣшно вошелъ въ келію настоятельницы — матери Маріи.

— Ну, радуйтесь, мать Марія, вамъ хватитъ теперь работы. Вамъ предстоитъ успокоить двѣ дюжины пизанскихъ матросовъ.

— К... к... какъ?! — въ ужасѣ воскликнула достойная настоятельница. — Мнѣ одной?!

— О, успокойтесь! — разсмѣялся padre Джованни. — Вы выберите тѣхъ, кого вамъ желательно наставить на вашъ путь истины, а остальныхъ распредѣлите по всѣмъ сестрамъ.

Обрадованная настоятельница, приложившись къ шляпѣ padre Джованни, поспѣшно отдала приказъ:

— Созвать всѣхъ сестеръ! впускай матросовъ!

Черезъ нѣсколько минутъ двери распахнулись и въ келію, наполненную бѣдными овечками, ворвались матросы.

— Потрудитесь расписаться, мать настоятельница, въ принятіи на исправленіе и, главное, успокоеніе двадцати четырехъ преступниковъ! — громовымъ басомъ произнесъ пизанскій стрѣлокъ-карабинеръ, подавая настоятельницѣ свитокъ *).

При видѣ такой странной обстановки, при видѣ такого изряднаго количества дѣвъ, матросы испустили возгласъ удивленія, смѣшанный съ радостью.

— Э-о-э, э-о-ла! — закричали они. — За исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, все остальное удивительно напоминаетъ намъ многочисленныя богоугодныя заведенія Пизы.

Цѣломудренныя овечки — джованнистки, охваченныя пламеннымъ желаніемъ наставить заблудшихся матросовъ на свой путь истины, устремились къ нимъ.

Получилась, дамы и кавалеры, поистинѣ, трогательная картина. Говорятъ, padre Джованни плакалъ отъ умиленія, смотря на начало трогательнаго сліянія цѣломудренной чистоты святыхъ дѣвъ съ звѣрско-бунтовческими намѣреніями и инстинктами крамольниковъ.

— О! — воскликнулъ онъ. — Я докажу, что не потерялъ еще силы творить чудеса...

Вскорѣ мать-настоятельница обратилась къ своимъ дѣвамъ отъ такими словами:

— Мои возлюбленныя — во св. Бонифаціи, Керуляріи и padre Джованни — сестры! Пришелъ часъ, когда вы должны оправдать возложенныя на васъ надежды высокочтимаго padre Джованни. Вамъ предстоитъ трудный искусь: въ теченіи одной ночи обратить этихъ крамольниковъ-звѣрей въ послушныхъ — всѣмъ правителямъ страны —

*) Какъ эта иллюстрація, такъ и иллюстрація въ № 4 «Зановы» относятся къ этому моменту. Ред.

— Какъ?! Генераль-губернаторовъ отмѣнить или ихъ власть сократить? Нѣтъ, я не согласенъ... Или я уйду въ отставку! (Въ отвѣтъ гробовое молчаніе).

См. „Призывъ“.

— Во имя св. Бонифація, Керулярія и св. padre Джованни! Наставляете? — спрашивала она, троекратно стучась въ двери каждой келіи.

— Аминь. Наставляю... — слышался подавленный шопотъ

На другой день, утромъ, явился карабинеръ.

— Ну, мать-настоятельница, удалось вамъ успокоить бунтовщиковъ? — крутя усь спросилъ онъ.

— Смотрите! — ликующе-торжествующе воскликнула настоятельница, указывая на рядъ матросовъ.

Карабинеръ съ почтеніемъ снялъ шляпу и набожно перекрестился:

— Поистинѣ, это — самое замѣчательное чудо padre Джованни!..

барашковъ. Ничто дурное не должно завтра утромъ подыматься у нихъ. Беретесь-ли вы за такой подвигъ?

— Постараемся, о, мать Марія!.. — хоромъ отвѣтили благочестивыя дѣвы, скромно потупляя глазки и чуть замѣтно лукаво улыбаясь.

— Въ такомъ случаѣ, грядите съ миромъ... Выберите себѣ по бунтовщику. Да благословитъ васъ св. Керулярій, а я... не виновата.

Настала ночь. Мать-настоятельница, уже успѣвшая наставить на путь истины двухъ бунтовщиковъ, стала производить свой обычный обходъ по корридору, по обѣимъ сторонамъ котораго были расположены келіи благочестивыхъ дѣвъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Панорама русско-японской войны.

Какъ, спорая скотина въ телячьи
холодушки замлалаь

„Ухъ, жарко“
(бой на Ялу)

„Русское государство“

— * М Е Н Ю * —

лейбъ политическо-кулинарный завтракъ
графа С. Ю. Витте.

(ЗА НЕДѢЛЮ).

На дняхъ, во всѣхъ газетахъ было помѣщена замѣтка о томъ, что на содержаніе новой правительственной газеты, официальнаго лейбъ-органа предсѣдателя совѣта министровъ, назначена ежегодная скромная сумма въ шестьсотъ тысячъ рублей, изъ которой девять тысячъ, т. е. по семисотпятидесяти рублей, въ мѣсяцъ, ассигнованы специально на завтраки гг. редактора и его сотрудниковъ.

Такой новый расходъ изъ государственной казны не могъ не заинтересовать и не заставить насъ слухъ этотъ проверить. По справкамъ, наведеннымъ нами, онъ оказался вполне достовернымъ, причемъ намъ по знакомству съ однимъ репортеромъ, удалось заполучить недѣльное росписаніе самыхъ завтраковъ, которые и представляемъ на апетитъ читателей.

Понедѣльникъ.

1. Борщекъ—красивые слезы всей честной Руси послѣ Портсмута; къ нему—сухари—dsiables, посыпанные сушеной и толченой печенкой татчинской форели.
2. Треповскіе битки съ трехмиллиметровымъ картофелемъ (à profusion).

Вторникъ.

1. Пюре—овсянка Орловская, къ нему отстеганъ à la Стаховичъ.
2. Зразы по чухонски, съ миновскою кашей.

Среда.

1. Супъ—торт, улова 17 октября 1905 г.
2. Свиные котлеты въ папильоткахъ, à la Matilde, Харьковскаго убоя. Салатъ—Кишиневскіе огурцы.

Четвергъ.

1. Уха изъ московскихъ декабрьскихъ ершей, къ ней растегаи изъ свѣжей одесской рыбы Нейдгардовскаго улова, съ настоящею кашпирною вязигой.
2. Путиловскіе и Семянниковскіе обжаренные

рябчики, салатъ приневская красная капуста казачьей шинковки.

Пятница.

1. Бульонъ Ярославскій, съ кулебякою изъ демидовскихъ лицейскихъ рубцовъ.
2. Сиги Томскаго октябрьскаго копченья, съ икрою и молоками.

Суббота.

1. Щи прибалтійскіе, красные, съ феллинекою, драгунскою, поджареною размазней.
2. Баранина по Дурновски, съ чеснокомъ. Къ ней бобы разварные, парижскіе, заемные, въ укусу.

Воскресенье.

1. Селянка изъ всероссийскихъ разварныхъ судаковъ, по мендельсоновски, съ процентными пирожками.
2. Голутвинскіе куропатки, Московскіе бекасы, прѣсенскіе коростели, Дубасовской охоты, въ семеновскихъ скорострѣльныхъ кастрюляхъ.
3. Перовскіе огурцы, въ красномъ укусу.

Гурьевская каша **)

*) Росписаніе завтраковъ (меню) составлено только временно и можетъ, въ силу обстоятельствъ, быть измѣнено.

**) Гурьевская каша—только и исключительно по воскресеньямъ, дабы дать возможность не выдохнуться и долѣе сохраниваться главному редактору г. Гурьеву.

Дж. Буль.

Послѣднія похождения Чичикова.

(Случайно уцѣлѣвшія—отъ сожженія Гоголемъ—страницы его знаменитой поэмы «Мертвыя Души» *).

— А-а, с. с., зачѣмъ ты скупалъ мертвыя души?! еще яростнѣе наступилъ на распростертаго Чичикова панъ генераль-губернаторъ.

— Для... для... пользы отечества...—пролепеталъ Чичиковъ.

— То есть какъ это: для пользы отечества?—совѣмъ какъ баранъ, захопалъ глазами генераль-губернаторъ. Павелъ Ивановичъ шаркнулъ ножкой, склонилъ не безъ пріятности свою головку и почтительно произнесъ:

— А ей Богу. Если-бы у насъ, въ Россіи, всѣ покупали мертвыя души, то повѣрьте, ваше высокопревосходительство, что въ Россіи не было-бы нищеты, а всѣ были-бы богаты... Ну, вы только разсудите сами, ваше высокосіятельство: что такое мертвая душа? Такъ, дрянъ, гораздо дешевле стоящая, чѣмъ понюшка добраго нюхательнаго табаку. А между тѣмъ, если я владѣю такой дрянью, т. е. мертвыми душами, то я помѣщикъ. Теперь я васъ спрошу, что выгоднѣе для правительства: чтобы не покупать мертвыхъ душъ и быть бѣднымъ, какъ пономарь села Овечій Подгузникъ, или-же разрѣшать покупку мертвыхъ душъ, дабы всѣ могли сдѣлаться состоятельными помѣщиками?

— Гм...—въ раздумьи произнесъ генераль-губернаторъ.—А знаете, что я вамъ скажу, господинъ Чичиковъ? Вы, положительно, не такъ глупы, какъ кажется съ виду.

— О, ваше сіятельство... ваше превосходительство...—зашаркалъ толстенными ножками весьма польщенный Павелъ Ивановичъ.

— Такая честь... такая похвала изъ столь высокопоставленныхъ устъ.

И Чичиковъ даже сдѣлалъ весьма пріятный жестъ рукою.

— Откровенность за откровенность, господинъ Чичиковъ. Что-же вы стоите? прошу васъ, садитесь... Видите-ли: лично я держусь того взгляда, что гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ отъявленнымъ, но умнымъ мошенникомъ, чѣмъ съ весьма благонамѣреннымъ идиотомъ.

— „Ловко! Это онъ меня мошенникомъ смазаль“...—пронеслось въ головѣ Чичикова.

— Но несчастье нашей родины заключается именно въ томъ, что у насъ такъ много высоко-благонамѣренныхъ дураковъ, что, положительно, не хватаетъ мѣста отъявленнымъ, но умнымъ мошенникамъ...—снисходительно бросалъ генераль-губернаторъ.—Впрочемъ, это я такъ... между прочимъ. Обратимся къ дѣлу. Скажите, г. Чичиковъ, что вы скажете, если я вамъ предложу служить мнѣ и, вмѣсто мертвыхъ, пріобрѣтать живыя души?

Теперь ужъ Чичиковъ захопалъ глазами.

— Но, ваше сіятельство...—началъ онъ.—Живыя души стоятъ довольно дорого...—Я справлялся у Манилова, Собакевича, Коробочки, Плюшкина...

— Ха-ха-ха!—загремѣлъ генераль-губернаторъ.—Положимъ, господинъ Чичиковъ, живыя души стоятъ теперь весьма недорого. Чикъ-чикъ—и изъ живой души сейчасъ-же получается мертвая... Прежде, чѣмъ вы затынетесь вашимъ кануперомъ, я способенъ сто живыхъ обратить въ сто мертвыхъ! Ха-ха-ха!..

— Хи-хи-хи!..—подобострастно залился и Павелъ Ивановичъ.

— Ну-съ, сейчасъ я вамъ объясню, въ чемъ заключается мое вамъ предложеніе...

(Продолженіе слѣдуетъ).

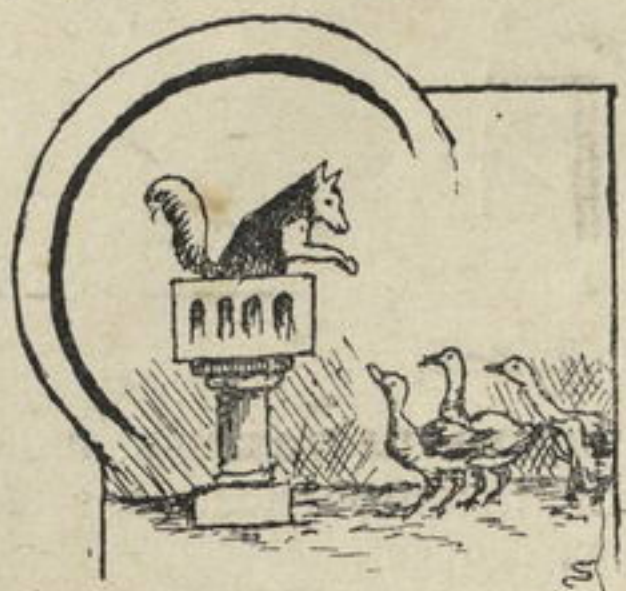
*) См. № 4 „Занозы“.

Брызги и занозы.

VI.

(Посвящ. гр. С. Ю. Витте, А. Н. Гурьеву и Ко)

На бутерброды девять тысяч *)
 Ассигновалъ графъ Сергій тѣмъ,
 Кто—самъ себя способный высѣчь—
 Готовъ строчить на сотни темъ.
 Помимо этой бутербродной
 Сверхсмытной суммы—имъ въ удѣлъ
 Графъ изъ «наличности свободной»
 Дать шестьсотъ тысячъ повелѣлъ.
 «Конецъ субсидіямъ, мытарствамъ!»—
 Сказалъ онъ: „Встанемъ на амвонъ
 И будемъ «Русскимъ Государствомъ»
 Давать газетамъ новый тонъ!...“
 Сказалъ... Тяпъ-ляпъ! И—дѣло въ шляпѣ...
 Поспорь-ка съ органомъ такимъ,
 Когда онъ весь—подобно папѣ—
 Въ глазахъ властей непогрѣшимъ!..
 Не органъ вышелъ, а кудесникъ!
 На скачкахъ слова бьетъ рекордъ:
 Гдѣ былъ «Правительственный Вѣстникъ»—,
 Тамъ сталъ правительственный спортъ!..
 Что день—то новыя затѣи,—
 Благословивъ свою судьбу,
 Литературные жокеи
 Летятъ къ... позорному столбу...
 Очки втираютъ, лгутъ умѣло,
 Плодятъ туманныхъ фразъ хаосъ...
 Прекрасно понялъ—въ чемъ суть дѣла—
 Вечерній нашъ офиціозъ...
 И бутерброды, и оклады!..
 Нетрудно тамъ ихъ взять съумѣть,
 Гдѣ на казенные подряды
 Привыкли денегъ не жалѣть...
 Туда, туда—всѣ прожектеры,
 Хамелеоны нашихъ дней,
 Общедоступные фразеры,
 Лакеи выгодныхъ идей!
 Подальше спрячьте совѣсть вашу—
 И вы придетесь ко двору:
 Графъ любитъ—«гурьевскую кашу»,
 Графъ льнетъ къ продажному перу!..
Внукъ своего дѣда.
(Продолженіе слѣдуетъ).

Еще одна жертва правительственного произвола.

Намъ сообщаютъ изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, что на дняхъ, по распоряженію предсѣдателя совѣта министровъ, будетъ арестованъ и привлеченъ къ отвѣтственности по ст. 101, 102, 1535 и др. Улож. о наказаніяхъ, талантливый публицистъ, временно редактирующій новый правительственный органъ: „Русское Государство“ г. Гурьевъ, газета-же приостановлена и типографія Правительственного Вѣстника опечатана, впредь до рѣшенія судебного дѣла въ Спб. судебной палатѣ. Мѣры эти вызваны цѣлымъ рядомъ статей, появившихся въ названной газетѣ, позорящихъ гр. Витте и бросающихъ тѣнь на его честную и открытую дѣятельность, по внутренней политикѣ, для спасенія Россіи. Къ этому добавляють, что по снятіи съ газеты запрещенія и ея выходъ вновь въ свѣтъ, редакторомъ ея будетъ, наконецъ-то, назначенъ г. Кривошлыкъ.

*) См. февральскіе №№ всѣхъ петербургскихъ газетъ.

Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда смута российская пошла быти и кто первѣе почла на Руси мутитися.

Гл. V.

И прииде смута во храмъ ко іереомъ, и соблазняхуся іереи и книжники и вопяху въ сердцѣ своемъ: „Нѣсть правда доселѣ, имамы днесъ мутитися, да приидетъ правда и благолѣпіе“. Бѣ же ту игуменъ Арсеній, мнихъ блажененъ, пѣснопѣвецъ и чудотворецъ велій. И рече ко смятеннымъ притчу сію: „Изыде стрѣлецъ стрѣляти стрѣлами смуту. И вонзися единая отъ стрѣлъ во главу крамольную, и помре крамольникъ; иная же пронзи лоно дѣвичье, и лишися дѣва прелести; иная же оскоси мниха, и вопи мнихъ во страхъ:—Горе ми чернцу осконченному, что имамъ творити, да возвратится утѣшеніе и слава?—Ей-ей глаголю вамъ, такожде и смута оскоси умы ваша, спасенія убо лишены есте. Покайтесь, грѣшники, покайтесь крамольники, покайтесь жены смутоносицы, грядетъ бо часъ, во онъ же судомъ судимы будете военнымъ“. И объа страхъ велій главы іерейскія, и престаху іереи мутитися.

Гл. VI.

И бысть ту знаменіе веліе: се прииде отъ злыхъ мѣстъ дѣва блудница Настасія Вальційская ко крамолосѣтелю Григорію іереови и рече: „Отче смятенный! Како дерзаеши крамолу творити, яко и азъ, грѣшница, отъ дѣвъ блаженныхъ откровеніе пріяла есмь и обѣтъ сотворила не усаждать ниже крамольниковъ, ниже смутотворителей. Вѣмъ бо, яко царствія небеснаго не обрящеши“. И устраши дѣва она сердце смутьянско, проявился бо сила небесная чрезъ уста блудливыя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За лѣтописца Дмитро Гудзь.

Горилла, похищающій
свободу, то бишь женщину.

скульптура
Д. Френке.

Отъ редакціи.

Нумера „Занозы“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежемъ лишь по полученіи задаточной суммы въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный № высылается за двѣ 7-ми копѣеч. марки.

Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются. Редакторъ принимаетъ ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 3 до 4 ч. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

еженедѣльный журналъ

художественной сатиры

Цѣна отдѣльнаго № — 10 коп. безъ перес., съ перес. — 15 к.

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи Р. Л. Антропова.

Подписная цѣна: годъ — 4 руб., 1/2 г. — 2 р.; съ пересылкой во всѣ города Россіи — годъ — 5 р., 1/2 г. — 3 руб.

Подписка принимается въ редакціи: СЛБ. Итальянская, 27 и во многихъ городахъ Россійской Имперіи.

„З А Н О З А“.

Поступила въ продажу новая книга изданія С. Д. Новикова

«ДѢТИ УЛИЦЫ». 1) Малолѣтнія проститутки.

Соч. М. Х. Мукалова. Цѣна 50 коп.

Съ требованіями просятъ обращаться въ главный складъ: СПб., Б. Итальянская, д. 27, кв. 16.

Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Издатель С. Д. Новиковъ.

Коммерческая скоропечатня, Лиговская 57